

УДК 94 (460).023

Кастилия во внешней политике Франции последней трети XIV в.

Агапов Глеб Александрович – кандидат исторических наук, доцент Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве РФ.

Аннотация: В статье исследуются роль, значение и основные проявления франко-кастильского союза в англо-французских противоречиях последней трети XIV в. Анализируются ключевые события второго периода Столетней войны (1369-1396), связанные с участием пиренейских государств, выявляется место Кастилии в международной жизни Европы и оказываемое ею влияние. Предпринимается попытка расширить традиционные представления о ходе Столетней войны как борьбе исключительно Англии и Франции.

Ключевые слова: Кастилия, Трастамара, Столетняя война, англо-французские противоречия.

Ключевым событием, определившим развитие Франции в последней трети XIV в., стало возобновление в 1369 г. Столетней войны. В течение второго периода (1369-1396) этого крупнейшего военно-политического конфликта Средневековья произошли значимые изменения не только в развитии собственно Англии и Франции, но и многих других государств, вовлеченных в систему англо-французских противоречий. Тенденция рассматривать Столетнюю войну как явление, которое охватывает гораздо больше событий, чем борьба Англии и Франции, является основополагающей в современной историографии. Закономерным в этой связи выглядит обращение к истории Кастилии - государства, втянутого в противостояние между Плантагенетами и Капетингами, а позднее Валуа - одним из первых. Франко-кастильский союз является одним из самых старых: впервые он был оформлен еще в 1288 г., уступая по древности только франко-шотландскому.

Долгое время в исследовательской литературе господствовал подход, согласно которому Столетняя война в период 1369-1396 интерпретировалась в основном в

контексте национальной истории. В поле зрения находились в основном события, связанные с национальным возрождением Франции при Карле V отвоение территорий на юге Франции, успешная борьба против англичан, сменившаяся позднее упадком при душевнобольном короле Карле VI, народные восстания майотенов и тюшенов, начавшаяся борьба между бургиньонами и арманьяками. При таком рассмотрении из поля зрения выпадали сюжеты, связанные с историей межгосударственных отношений, с анализом роли основных дипломатических союзов. Это характерно для исследований как собственно-исторических (посвященных истории Столетней войны), так и для историко-биографических. Схожая картина была характерна и для англоязычной историографии, за тем лишь исключением, что анализировались в основном ключевые для английской истории проблемы, такие как восстание Уота Тайлера или установление власти Ланкастерской династии. Лишь в новейшей литературе ход Столетней войны в последней трети XIV в. получает более глубокое освещение, связанное, в частности, с выявлением роли и места в данных событиях пиренейских государств. Изучение значения связей пиренейских королевств, в частности, Кастилии, с другими государствами не входило в число приоритетных направлений и для испанских историков. Можно отметить, что специальные исследования по истории первых королей из династии Трастамара появились сравнительно недавно.

Мало разработанной тема франко-кастильских связей в последней трети XIV в. является и в отечественной историографии. Это связано с целым рядом причин. В первую очередь стоит отметить очень позднее начало изучения истории самих англо-французских противоречий и Столетней войны. Первое и единственное на настоящий момент времени исследование появилось только в самом конце 80-х гг. XX века. Кроме того, русскоязычная испанистика концентрировалась в основном на иных проблемах, связанных преимущественно с исследованиями в области аграрной и социально-экономической истории. До настоящего времени важнейшей работой по избранной нами проблематике остается обобщающий очерк Н. И. Басовской, выполненный на стыке собственно испанистики и исследований в области Столетней войны. В нем намечены основные научные проблемы и предложена попытка их разрешения на материалах английской и французской хронистики, а также текстов международных договоров. В настоящей же работе предпринята попытка дать ответы, используя материалы пиренейских хроник.

Исследование ключевых внешнеполитических проблем истории англо-французских противоречий невозможно без обращения к материалам европейских хроник, главных нарративных источников периода. Избранная тематика исследования предполагает, в первую очередь, обращение к материалам кастильского историописания, а именно к хроникам, посвященным правлению Энрике II [1], Хуана I [2] и Энрике III [3]. Современные описываемым в них событиям, эти хроники дают подробную картину происходившего, сообщают важные подробности международных отношений и основные условия

заключаемых мирных договоров. Поскольку в течение рассматриваемого периода времени резко возросли роль и значение Португалии, то анализу подвергнуты фрагменты относящихся к теме исследования португальских хроник Ф. Лопиша [4]. Особую ценность им придает то, что их автор долгое время был хранителем государственного архива Португалии и при написании своих трудов использовал многие важные документы. Одним из важнейших источников по истории Столетней войны являются «Хроники Англии, Франции, Испании и соседних стран» Ж. Фруассара [5]. В них подробно сообщается именно о международном аспекте конфликта, приводятся важные сведения о ключевых дипломатических союзах. Сведения и материалы хроник при необходимости дополнялись и корректировались документальными источниками, в частности текстом Парижского перемирия 1396 г. [6]

Одной из основных особенностей средневековой дипломатии является то, что прочность основных международных союзов в большой степени зависела от роли конкретных личностей, чем от внешнеполитического расчета, хотя последний, разумеется, всегда учитывался. Данный тезис вполне применим и к истории франко-кастильского альянса. Первый письменный договор между двумя королевствами был заключен, как говорилось выше, еще в конце XIII века, а позже был укреплен и развит при короле Альфонсо XI в 1336 [7, р. 285] и 1345 гг. Смерть правителя Кастилии в результате эпидемии чумы в 1350 г. сильно ударила по союзу, будущее которого зависело от той позиции, которую занял бы новый король Педро I. В тех условиях для укрепления связей между Францией и Кастилией существовал традиционный для позднего Средневековья способ – политически мотивированный династический брак между Педро I и принцессой Бланкой Бурбонской. В контексте дальнейших событий важно подчеркнуть, что «французский брак» был делом не столько самого короля, сколько ключевой в Кастилии того времени фигуры, Хуана Альфонса де Альбукерке, одного из главных советников еще Альфонсо XI. По крайней мере, он сам, исходя из доступных источников, оценивал заключение этого брачного союза как одно из главных дел своей жизни [8, р. 442]. Однако данный эпизод наглядно демонстрирует, насколько велика роль личности в истории. Связь короля с Марией Падилья и, соответственно, разрыв короля с законной женой привели к резкому ухудшению отношений Кастилии с Францией и Папством, которое, находясь под сильным французским влиянием, оказывало сильное давление на Педро I, укоряя того в нарушении христианских обетов. Значение франко-кастильского союза падало и из-за начавшейся гражданской войны внутри самой Кастилии между королем и его сводным братом Энрике Трастамарским. Важно также учитывать, что отношения между самими пиренейскими государствами неуклонно ухудшались, что в конечном счете привело к начавшейся в 1356 г. арагоно-кастильской «войне двух Педро». Отметим, что поводом для начала войны послужило задержание арагонских кораблей, которые направлялись на помощь королю Франции против англичан [8, р. 473]. Все это привело к окончательному разрыву франко-кастильского альянса и переходу Педро I к союзу с англичанами, что было оформлено Лондонским договором 1362 г. Учитывая, что давний союзник, Шотландия, после поражения при Невиллс-Кроссе 1346 г. не могла оказать никакой помощи, восстановление дружественных отношений с Кастилией через вмешательство в гражданскую войну и поддержку Энрике Трастамарского стало

главной внешнеполитической задачей для короля Карла V. Можно констатировать, что она была успешно решена в серии военных походов в Кастилию, завершившихся в 1369 г. победой при Монтеле и приходом к власти короля Энрике II Трастамарского [5, V. 7., p. 269]. Этот несомненный успех дипломатии Карла V был закреплен подписанием очередного франко-кастильского договора в 1369 г.

Хотя союз между двумя королевствами и был возобновлен, принести скорых результатов он не мог, поскольку против новой Трастамарской династии тут же выступила войной Португалия, так как король Фернандо I имел права на корону Кастилии по женской линии [1, p.2]. Война для него закончилась неудачно, в числе прочего и потому что в войне на стороне Кастилии принимал участие один из лучших полководцев Франции того времени, Бертран Дюгеклен [1, p.4]. По итогам мирного договора в Алкутима Португалия возвращала все захваченные в Кастилии земли и соглашалась на династический брак между Фернандо I и дочерью Энрике II [1, p.10], что создавало возможность для вмешательства кастильцев во внутренние дела Португалии. Именно ее можно считать главным противником Кастилии при Энрике II, поскольку столь грубый нажим со стороны кастильского короля вскоре привел к началу второй португало-кастильской войны. Как и в первом случае, войска Фернанду I терпели поражение, но в конфликт двух пиренейских государств вмешалось Папство, не заинтересованное в конфликтах между христианскими государствами. При содействии главного специалиста в испанских делах, кардинала Вильгельма Болонского, оказывавшего посреднические услуги еще во времена «войны двух Педро», удалось заключить Сантаренский договор 1373 г. В отличие от Алкутимского, он не предусматривал столь откровенного вмешательства во внутривосточные дела, поэтому заключение системы брачных союзов планировалось между менее значимыми, по сравнению с королем, персонами. Но для Франции Сантаренский договор был, несомненно, более выгодным, поскольку его ключевой пункт предусматривал ежегодную отправку из Португалии в Кастилию пяти галер, которые направлялись бы затем королю Франции [1, p.16].

Несколько менее активную, но в целом враждебную позицию к Кастилии заняли и другие государства Пиренейского полуострова. Войну, в частности, начал король Наварры Карл II Злой. Как представляется, главной причиной было не столько желание свергнуть именно Энрике II или ослабить таким образом Францию, сколько воспользоваться неустойчивым положением новой династии и силой захватить обещанные еще Педро I Жестокий города в обмен на право пройти по территории Наварры в 1367 г. вместе с войском Эдуарда Черного Принца. Но общее ослабление этого буферного государства в результате предшествующей политики Карла II привело к тому, что в 1373 г. был заключен кастило-наваррский договор, согласно которому заключался династический брак между дочерью Энрике II Алиенорой и наследником наваррского престола Карлом, а все захваченные у Кастилии территории возвращались назад [1, p. 17].

Несколько более сложными были причины, которые объясняют участие в противостоянии с Энрике II одного из его главных прежде союзников, короля Арагона Педро IV Церемонного. Хотя и существовали определенные арагоно-кастильские территориальные противоречия, возникшие в ходе «войны двух Педро», предполагалось их относительно безболезненное разрешение. Энрике, тогда еще граф Трастамара, должен был вернуть захваченные у Арагона земли, тем более, что Кастилии они никогда не принадлежали. Главным, как представляется, стало иное. Одной из главных проблем в самом начале правления Педро IV стало присоединение к Арагону самостоятельного, но находящегося от него в вассальной зависимости Мальоркского королевства, образовавшегося по результатам завещания короля Хайме I Воителя. Победа при Льюкмайоре 1349 г. позволила свергнуть короля Хайме III Мальоркского и восстановить единую арагонскую державу. Борьбу, однако, продолжил его сын, тоже Хайме, который стал одним из главных противников Педро IV. В Кастилии Хайме IV оказался в результате пиренейской экспедиции Эдуарда Черного Принца 1367 г. и восстановления на престоле Педро I Жестокого. Два года спустя он стал пленником Энрике II в результате сражения при Монтеле. Как представляется, решение короля Кастилии согласиться на выкуп пленника, который стал возможен благодаря его жене Джованне Неаполитанской и сестре, графине Монферратской [5, V. 8. р. 100.], сыграло роковую роль в ухудшении арагоно-кастильских отношений. В этом случае важным представляется подчеркнуть именно «французскую» составляющую. После вторжения в Кастилию Черного Принца в 1367 г. и поражения при Нájере (исп. Nájera) Энрике Трастамарский был вынужден бежать во Францию, где его главным покровителем стал граф Людовик Анжуйский [5, V.7. р. 228]. Вспомним, что королева Джованна также представляла Анжуйский дом, правда, другую его ветвь. Так что можно предполагать известное анжуйское влияние на решение Энрике II. Впрочем, предоставление свободы Хайме IV могло диктоваться и чисто прагматическими причинами. Во-первых, необходимо принять во внимание крайне плачевное состояние кастильской казны. Гигантская сумма в сто тысяч франков могла способствовать исправлению этой ситуации. Во-вторых, определенное, и достаточно успешное давление оказывала на Арагон и английская дипломатия, позиции которой на Пиренеях после установления профранцузски настроенной Трастамарской династии сохранялись. Например, сенешаль Аквитании Уильям Фелтон в 1373 г. на переговорах в Хаке сумел добиться от Педро IV согласия вступить в войну на стороне англичан, если так же поступит и Джон Гонт, герцог Ланкастер. Именно Ланкастер в последней трети XIV в. был в Англии главным сторонником ведения войны за Пиренеями. Объясняется это тем, что в пору англо-кастильского сближения он женился на одной из дочерей Педро и после гибели последнего, в 1371 г., принял титул короля Кастилии и начал использовать соответствующую символику. Неслучайным поэтому представляется и появление в том же году нового франко-кастильского договора, в котором король Карл, стремясь поддержать своего союзника, обязывался не заключать мира с Англией без согласия Кастилии [5, V.8. р. 111]. В этой связи история с выкупом Хайме IV могла быть своеобразным ответом на усилия английской дипломатии в Арагоне. Но, повторим, серьезных причин для начала новой арагоно-кастильской войны не существовало, что после провала вторжения Хайме IV сделало возможным заключение мира и

династического брака между наследником кастильского престола Хуаном и Алиенорой Арагонской. Налицо попытка добиться максимально благоприятных отношений между двумя королевствами. Кроме этого, крайне важным представляется отметить, что по итогам этого договора Педро IV обязывался разорвать все отношения с Англией [1, р. 25], а это, разумеется, было крайне выгодно как Кастилии, так и Франции.

Как было показано выше, возможности Энрике II оказать помощь союзнику были достаточно скромными. Но и в тех непростых условиях содействие Франции продолжали оказывать, причем последствия этого были весьма значительны. В основном сотрудничество между двумя королевствами, исходя из предшествующего развития Кастилии и заключенного в 1373 г. Сантаренского договора с Португалией, заключалось в посылке кораблей для борьбы с англичанами. Именно кастильский флот сыграл ключевую роль в одном из главных триумфов Карла V в начале 70-х гг. XIV в. – взятии Ля-Рошели 1372 г. Корабли адмирала Бокканегры сумели захватить флотилию графа Пембрука с крайне ценным грузом, жалованьем для трех тысяч английских солдат. Это привело к тому, что множество городов и замков вокруг самой крепости, как сообщают источники, перешли под власть французского короля [1, р. 16], а моральный дух и боевые качества войск Плантагенетов сильно упали. Падение Ля-Рошели сильно сказалось на позициях англичан в данном регионе не только в силу отмеченных причин. Это был один из главных пунктов при переброске войск из самой Англии. Взятие крепости означало бы полный разрыв коммуникаций между Британскими островами и владениями Плантагенетов во Франции. Поэтому против франко-кастильских сил был брошен один из главных полководцев англичан, капталь де Бюш. Его пленение означало нанесение крайне сильного удара по английской армии. О значимости капталя де Бюша свидетельствует хотя бы тот факт, что предложения об обмене на несколько пленников поступали от самого короля Эдуарда III. Отметим в этой связи постепенный отказ от рыцарских представлений в пользу интересов государства, поскольку, идя вразрез с традиционной практикой, Карл V на обмен не согласился [5, V. 8. р. 400], а де Бюш так и окончил свои дни в парижской тюрьме. Можно констатировать, что в рассматриваемый период времени Кастилия была одним из главных участников англо-французских противоречий. Это нашло отражение и в изменении ее статуса. Если в течение первого периода Столетней войны (1337-1360) основные события проходили без участия кастильских послов, то теперь, в частности на переговорах о заключении перемирия между Англией и Францией в Брюгге (1375 г.), участвовала полноправная делегация, посланная королем Энрике II. Дальнейший ход Столетней войны при Карле V обозначил постепенный переход инициативы в руки Франции. В частности, под ударом оказались не только владения Плантагенетов на континенте, но и собственно английские территории. Нападение на прибрежные города было невозможно реализовать без привлечения кастильского флота. Так, в 1377 г. нападению, которое сопровождалось массовыми грабежами и убийствами [5, V. 8. р. 391], подверглись города Рай, Портсмут, Дартмут, Плимут, остров Уайт. Вторжение франко-кастильского флота пришлось на время тяжелого внутривнутриполитического кризиса в Англии, вызванного смертью Черного Принца, болезнью Эдуарда III и фактическим управлением страной герцога Ланкастера. Все это оказало крайне негативное влияние, особенно в ключевом для Плантагенетов

вопросе, вотировании Парламентом налогов на ведение войны.

Попытка переломить ситуацию, предпринятая Англией, была связана с попыткой ослабить Кастилию при помощи единственного на тот момент времени оставшегося союзника за Пиренеями, Наварры. Говоря о Наварре XIV в., важно понимать, что при короле Карле II Злом она представляла собой довольно пестрое образование, состоящее не только из запиренейских территорий, но и множества ленов во Франции, главным образом в Нормандии. Именно они и составляли основу могущества Карла II в период Столетней войны. Успехи французской армии в деле отвоевания территорий привели к тому, что в 1377 г., т.е. в то же время, что и франко-кастильский рейд на английское побережье, нормандские владения короля Наварры были конфискованы. Этот факт естественным образом определили англо-наваррское сближение. Договор давал Плантагенетам самое главное – порт Шербур [5, V.9. р. 59], через который можно было бы снабжать остатки принадлежащих Плантагенетам территорий. Кроме того, правитель Наварры обязывался без участия Англии не заключать мира ни с Францией, ни с Кастилией [5, V. 9. р. 59]. Новый же король Англии, Ричард II, предоставлял тысячу копий и две тысячи лучников для войны против Кастилии [5, V.9. р. 59]. В намерении Плантагенетов активно вмешаться в борьбу на Пиренеях можно видеть влияние одной из главных фигур при английском дворе того времени, герцога Ланкастера, у которого были наиболее выраженные интересы в Испании.

Стремление Англии и Наварры начать войну против Кастилии не осталось тайной для Карла V, который незамедлительно известил об этом своего союзника, предложив тому начать войну против Карла II [5, V.9. р. 59.]. В 1378 г. английские отряды начали набег на территорию Энрике II. В ответ на это войска под командованием инфанта Хуана вторглись уже на территорию Наварры. Исходя из оценки численности кастильских войск, четыре тысячи копий и множество лучников, подготовка к войне была проведена на должном уровне; по сообщению источников, никто из наваррских сеньоров не был состояниии оказать сопротивление [5, V.9. р. 100]. Сам Карл II был вынужден отправиться за помощью в Бордо. От окончательной катастрофы его спасла только приближающаяся зима. Становилось очевидным, что единственным выходом станет подписание мирного договора с Кастилией. Поскольку отделение от Наварры каких-либо территорий стало бы в будущем источником новых конфликтов, стороны обязывались вернуть друг другу все захваченные территории. Упор Энрике II сделал на то, чтобы все находящиеся в Наварре англичане ушли за Пиренеи [1, р.28]. Кроме того, оставались в силе и все договоры, ранее заключенные между Францией и Кастилией [1, р.28]. Вскоре после завершения войны с Наваррой, в 1379 г, скончался король Кастилии. В своем завещании он особо оговорил, что сохранение франко-кастильского союза является одной из основных задач для его наследника [1, р.28].

Хотя после смерти Энрике II будущему франко-кастильскому союзу ничего не угрожало и его преемники продолжали ориентироваться на Францию, реальное участие Кастилии в Столетней войне и борьбе против Англии было достаточно скромными. Это было связано как с эволюцией самого англо-французского конфликта, который в последние десятилетия XIV в. не знал такого размаха и крупных событий, как в начале войны, так и с той сложной ситуацией, в которой оказался новый король Кастилии Хуан I. Фернандо I Португальский отказался признать его законным правителем, по-прежнему рассматривая дочерей Педро I законными наследницами кастильского престола [5, V.9. р. 379]. Крайне опасным для Кастилии было и наметившееся англо-португальское сближение. Но полноценному развитию этих отношений мешал усилившийся шотландский натиск на английское пограничье, ввиду чего в Португалию, начавшую очередную, уже третью по счету войну с Кастилией, были отправлены довольно скромные силы во главе не с Джоном Гонтом, герцогом Ланкастером, а его братом, графом Кембриджем [5, V.9. р. 383]. Важно подчеркнуть в этой связи, что герцог Ланкастер имел не только ярко выраженные «пиренейские» интересы, о чем уже говорилось выше, но и был одной из самых заметных политических фигур и способных полководцев Англии того времени. Поэтому полноценное вмешательство герцога в кастильские дела было, по приговору парламента, возможным только после урегулирования шотландской проблемы. Как и предыдущие, эта война завершилась не в пользу Португалии подписанием мирного договора с Кастилией в 1382 г. В контексте франко-кастильских отношений наиболее важным можно считать тот пункт договора, согласно которому Португалия признавала законным именно «французского» Папу Климента VII, отказавшись от поддержки его противника, ставленника англичан Урбана VI, которого ранее считала законным [4, р. 71]. Разумеется, этот договор португало-кастильских противоречий разрешить не мог, более того, породил новые. Хуан I, по его условиям, взял в себе в жены Беатрису Португальскую, единственную наследницу португальского престола. Разумеется, это ощутило ударяло по позициям Англии в Португалии, поскольку ранее рука Беатрисы была обещана одному из сыновей графа Кембриджа, но реализация права Хуана I неизбежно вызвала бы волну недовольства внутри страны и создала бы возможность для Англии вновь вмешаться в борьбу.

В 1383 г. смерть Фернандо I положила начало очередной войне между Кастилией и Португалией. В отличие от предыдущих, она связана с активным вмешательством Англии и реализацией главной во всем втором периоде Столетней войны военно-политической акции английской дипломатии – экспедиций Джона Гонта 1385 г. Разумеется, большинство португальской знати не было готово признать Хуана I королем, поэтому в качестве альтернативы ему был избран Жуан I, магистр ордена Ависса. При этом для обоснования правомерности подобного шага приводился недавний исторический опыт самой Кастилии, в которой Энрике II, как об этом заявляли сами португальцы, «был избран королем по воле народа и для общего блага» [5, V.11. р. 9]. Подобный шаг немедленно вызвал вторжение кастильских войск. Отметим в этой связи, что армия короля Хуана I была в значительной степени «офранужена». Это объясняется как фактом того, что после пиренейских экспедиций Бертрана Дюгеклена 60-х гг. XIV в.

определенная часть участников осела в Кастилии, получив от Энрике II земельные пожалования, так и тем, что, согласно франко-кастильским договоренностям, французским рыцарям разрешалось сражаться на стороне Хуана I [5, V.11. р. 11]. Обращает на себя внимание, что переходящих на службу к королю Кастилии было очень много и происходили из различных регионов Франции: из Пикардии, Беарна, Фуа, Бретани [5, V.11. р. 14], т.е. в условиях вялотекущей Столетней войны в самой Франции португало-кастильская война была основным районом ведения боевых действий. К тому же, сама кастильская армия возглавлялась французами: коннетаблем Лонгвилем и маршалом Лимузенем [5, V.11. р. 13]. В тех условиях единственным шансом для сохранения независимости Португалии была помощь со стороны Англии, к королю которой незамедлительно было отправлено посольство с предложением о возобновлении союза [5, V.11. р. 14]. Разумеется, главным лицом, заинтересованным в активной политике на Пиренеях, был герцог Ланкастер. Именно к нему, наряду с королем Ричардом II, и направлялись послы. Предложенные ими условия альянса были крайне привлекательными для Джона Гонта, поскольку его дочь стала бы королевой Португалии, а ему самому предоставлялись две или три тысячи солдат и лучники для завоевания Кастилии [5, V.11. р. 14.].

Во время англо-португальских переговоров в Лондоне ситуация в самой Португалии для вторгшихся кастильских войск стремительно ухудшалась. Откровенный грабёж и бесчинства вызвали массовые восстания простого населения и горожан [5, V.11. р. 142.], самым известным из которых является Сантаренское восстание 1383 г. В этом можно видеть основное отличие от экспедиций Бертрана Дюгеклена, поскольку участие французских рыцарей в войне было не столько спланированной военно-дипломатической акцией с должной подготовкой и четко поставленными целями, сколько частной инициативой отдельных сеньоров, заинтересованных, главным образом, в обогащении. Наблюдалось и существенное напряжение между пришедшими из Франции рыцарями и кастильской знатью. Первые активно подталкивали Хуана I к решительному столкновению с португальской армией, в чем также можно видеть чисто прагматический расчет на пленение знатных особ и получение за них большого выкупа, тогда как у кастильских сеньоров больших интересов в самой Португалии не было, и ведение малоуспешной войны вызывало у них недовольство. Противостояние между кастильцами и французами, доходящее до открытых стычек и потасовок, наблюдалось и среди обычных солдат [5, V.11. р. 152]. Чаще всего такие конфликты возникали из-за продовольствия. В итоге Хуан I согласился на решающее сражение при Алжубарроте 14 августа 1385. Решение об этом было принято под давлением французов [5, V.11. р. 167], доминировавших в военном совете. Главные пороки рыцарской армии, отсутствие дисциплины, стремление к индивидуальным поединкам, а также напряжение между кастильцами и французами привели к поражению войск Хуана I. Это означало не только укрепление власти Жуана I, но и, ввиду англо-португальского сближения, создавало угрозу уже для самой Кастилии. После поражения Хуан I сразу отправил во Францию посольство с просьбой о помощи [2, р. 206]. Карл VI соглашался отправить две тысячи воинов и сто тысяч франков [2, р. 206], т.е. максимально поддержать своего союзника. Благие пожелания, не выразившиеся, правда, ни в чем конкретном, Кастилия получила

и от Римского Папы [2, p.206].

Завершение переговоров с Шотландией и победа при Алжубарроте позволили герцогу Ланкастеру приступить к реализации его главного проекта, организации полномасштабной экспедиции в Кастилию. Принципиально важным в этой связи представляется отметить, что наличие союза между Англией и Португалией отнюдь не означало безоговорочную поддержку начинания Джона Гонта со стороны Жуана I. Для португальского короля главная причина союза с Англией состояла в том, чтобы сохранить независимость страны. Поэтому никаких причин вмешиваться в конфликт с Кастилией с целью завоевания каких-либо земель у него не было, поскольку это неизбежно привело бы к возможным конфликтам в будущем. Заинтересован Жуан I был лишь в ослаблении противника и сохранении status quo, тогда как его английский союзник стремился свергнуть Трастамарскую династию и самому стать королем Кастилии. Принципиальное расхождение в целях привело к тому, что после высадки Джона Гонта летом 1386 г. португальцы и англичане не объединились в одно войско, а сражались по отдельности. Современники, в частности Ж. Фруассар, пытались объяснить это несходством национальных характеров. Поражение при Алжубарроте привело к тому, что кастильские войска стремились избегать крупного сражения, жители приграничных с Португалией районов были переселены в глубь страны, неукрепленные города разрушены, запасы продовольствия и фуража были уничтожены. В итоге война герцога Ланкастера свелась к малорезультативным рыцарским набегам и осадам укрепленных городов. Подлинной катастрофой для герцога Ланкастера стала начавшаяся в его армии эпидемия, потери от которой были больше, чем в сражениях [5, V. 12. p. 311]. В итоге по соглашению с Хуаном I остатки армии Ланкастера смогли пройти через территорию Кастилии и выйти к оставшимся владениям Англии на юге Франции. Анализируя данный эпизод Столетней войны с точки зрения развития франко-кастильского союза, можно отметить, что попытка Джона Гонта свергнуть Трастамарскую династию привела к организации одного из самых крупных мероприятий, предпринятых Карлом VI. Стремясь нанести ощутимый удар непосредственно по самой Англии, король Франции приказал организовать подготовку крупных морских сил, которые должны были переправиться через Ла-Манш. О масштабе подготовки свидетельствуют и массовые вербовки наемников, дипломатическая подготовка, выразившаяся в заключении мира с восставшими городами во Фландрии, концентрация больших запасов продовольствия и снаряжения в лагере для подготовки вторжения. О влиянии, оказанном на Англию, можно судить хотя бы по тому, что на заседании Парламента всерьез обсуждалась перспектива возвращения из Кастилии герцога Ланкастера [5, V. 11. p. 369], а в города на побережье были направлены дополнительные гарнизоны, и проведен ремонт их укреплений [5, V. 12. p. 7]. Впрочем, нестабильность ситуации в самой Франции привела к тому, что экспедиция в Англию была отменена по причине надуманной болезни герцога Бургундского. Однако характеризовать экспедицию герцога Ланкастера в Кастилию как полностью провалившуюся вряд ли правомерно. Хотя непосредственных территориальных приобретений или свержения враждебной Англии Трастамарской династии не произошло, в целом положение для Плантагенетов на Пиренеях стало более выгодным, поскольку дочери герцога

Ланкастера стали королевами в Кастилии и Португалии.

В условиях конца XIV в. ключевые англо-французские противоречия не могли быть решены ни военной силой, ни в ходе мирных переговоров. Подобное положение приводило к тому, что стороны, формально не завершая Столетнюю войну, прибегали к заключению постоянно возобновляемых перемирий. Этот процесс затронул и основных союзников Англии и Франции, пиренейские государства, что хорошо видно, например, при анализе условий Лилиенгенского перемирия 1389 г. Специально подчеркивалось, что мир устанавливается не только между самими Францией и Англией, но и тесно связанными с ними Кастилией и Португалией соответственно [5, V.13. p. 316]. Отмеченная тенденция нашла свое яркое выражение и в тексте Парижского перемирия 1396 г., фактически завершившего второй период Столетней войны. В нем оговаривалось, что боевые действия прекращаются и между союзниками Плантагенетов и Валуа [6, p. 71]

Завершение второго этапа англо-французской войны совпало по времени с исчезновением франко-кастильского союза как значимой силы европейской дипломатии. Это было связано с целым рядом факторов. Принимая во внимание тот факт, что прочность дипломатических альянсов в Средневековье в немалой степени зависела от личности конкретных правителей, ослабление франко-кастильских связей было связано с начавшимся в 1392 г. безумием Карла VI и переходом реальной власти во Франции в руки Людовика Орлеанского, герцогов Бургундского и Беррийского, которые интересов за Пиренеями не имели, а следовательно, не стремились проводить в этом регионе сколько-нибудь активную политику. В 1390 г. умер Хуан I Кастильский, королем стал малолетний Энрике III, при котором тоже началась острая внутривнутриполитическая борьба. Удары наносила и английская дипломатия. Выше уже упоминалось, что герцог Ланкастер сумел заключить выгодный династический брак, выдав свою дочь за инфанта Энрике. После подписания в 1388 г. Байонского договора, согласно которому это стало возможным, во Франции стали справедливо указывать на нарушение одного из ключевых положений франко-кастильского союза, запрещавшего Кастилии заключать какие-либо договоры без ведома короля Франции [5, V.13. p. 279]. Ко двору Хуана I было отправлено посольство, которое должно было напомнить о невозможности подписания каких-либо соглашений ни с Англией, ни с герцогом Ланкастером [5, V.13. p. 280]. Разрыв отношений между двумя королевствами был невозможен, послы заверили, что Кастилия и дальше будет оставаться союзницей Франции, однако брак с дочерью герцога Ланкастера все равно был заключен [5, V.13. p. 296]. Представляется, что подобное усиление позиций Англии нанесло ощутимый вред союзу между Францией и Кастилией.

Ключевым же фактором, по нашему мнению, определившим постепенное выхолащивание самой сути франко-кастильского союза и его отмирание стала существенная

трансформация отношений между самими пиренейскими государствами. Происходила постепенная стабилизация отношений между Кастилией и Португалией, основными противниками на Пиренейском полуострове в конце XIV в. В самом начале правления Энрике III были возвращены все территории, захваченные Хуаном I в ходе португало-кастильских войн [3, р. 456]. Стремление установить мир хорошо видно и по тому факту, что оба королевства отказались от поддержки противников и обязывались не оказывать им помощи [3, р. 456]. Курс на добрые отношения с Португалией заметен и в принципиальном для Жуана I вопросе о королевском титуле. Если раньше в Кастилии он в качестве законного короля не рассматривался [3, р. 447], то теперь регенты обязывались не оказывать никакой помощи сеньорам, претендующим на корону Португалии, под которыми подразумевались потомки короля Педру Португальского, находившиеся в Кастилии [3, р. 469]. Подобная позиция исключала возможность вмешательства Англии и Франции во внутривосточные дела. Данная ситуация приводила к тому, что франко-кастильский союз становился все более формальной вещью, лишаясь своего реального содержания. При этом оба королевства продолжали обмениваться посольствами, обязывались сохранять ранее существовавшие договоренности [3, р. 356]. Так, например, сразу после прихода к власти Энрике III во Францию была направлена делегация, которая подтвердила верность Кастилии союзу с Капетингами. Это привело к подписанию очередного договора 1391 г., согласно которому, все заключенные ранее обязательства между двумя королевствами возобновлялись и подтверждались [3, р. 384]. Одним из последних формальных мероприятий в истории франко-кастильского союза XIV в. стала отправка из Франции посольства с выражением дружбы в 1393 г. [3, р. 402].

История отношений между Францией и Кастилией в последней трети XIV в. показывает, что альянс между ними был одним из самых заметных явлений в международной жизни западной Европы периода «осени Средневековья». Благодаря кастильской помощи, были достигнуты главные успехи Франции во второй период Столетней войны и подорвано господство англичан на юге страны. Более того, наиболее значимые военно-политические акции против Англии также проходили при участии Кастилии. Разрушение франко-кастильского союза было важнейшей целью Англии, что привело к организации масштабной экспедиции Джона Гонта, которую можно считать одним из главных событий второго периода Столетней войны. Эволюция самих англо-французских противоречий привела к тому, что, ввиду общего ослабления сторон и невозможности разрешить основные проблемы при помощи военной силы, было заключено Парижское перемирие 1396 г. К этому моменту урегулированными оказались и основные спорные вопросы на самих Пиренеях. В силу этого оказались исчерпанными и возможности союза Франции и Кастилии оказывать существенное влияние на ход Столетней войны.

Список литературы

1. Crónica del rey Enrique II// Biblioteca autores españoles. V. 68. Librería y casa editorial Hernando, 1930.
2. Crónica del rey Juan I// Biblioteca autores españoles. V. 68. Madrid: Librería y casa editorial Hernando, 1934.
3. Crónica del rey Enrique III// Biblioteca autores españoles. V. 68. Librería y casa editorial Hernando, 1930.
4. The English in Portugal 1367-1387. Ed. D. W. Lomax, R. J. Oakley. London: Aris Phillips Humanities, 1988.
5. Oeuvres des J. Froissart. Ed. K. de Lettenhove. Osnabrück: Biblio-Verlag, 1967.
6. Les grandes traités de la guerre de cent ans. Ed. E. Cosneau. Paris: Alphonse Picard, 1889.
7. Crónica del rey Alfonso XI// Biblioteca autores españoles. V. 66. Madrid: Librería y casa editorial Hernando, 1934.
8. Crónica del rey Pedro I// Biblioteca autores españoles. V. 66. Madrid: Librería y casa editorial Hernando, 1934.

{social}